

К. И. Коничев

ВОЛОГОДСКАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ

Признаков хорошего тона в обращениях в Вологодчине существовало и есть множество. Вот некоторые из них.

При входе в избу мужчины снимали шапки и говорили:

— Ночевали здорово, здравствуйте...

Если семья в доме обедала, входящий говорил:

— Хлеб да соль, приятно кушать.

Ему отвечали: — Милости просим,— как бы приглашая к столу, хотя на самом деле этим просто соблюдалось формальное приличие.

Во время чаепития в том же духе:

— Чай да сахар, приятно кушать...

Работающим в поле, на сенокосе, в лесу и где угодно полагалось говорить:

— Бог в помочь...

Потом переиначили, стали говорить:

— Труд на пользу...

Людям на рыбной ловле прохожие говорили:

— Лов на уду!

Придя в потребиловку или раньше в лавку к частнику, покупатель возглашал:

— Бог за товаром!

Женщине, стирающей белье на реке, кричали издали мимоходом:

— Беленько!

Прохожему попутчику догнавший его на дороге говорил:

— Бог по пути...

Или:

— Мир дорогой...

Перед исповедью старики и старухи обходили соседей и за целый год после всяких неурядиц просили прощения:

— Простите меня, грешную, я на исповедь пошла...

— Бог тебя простит, а мы и подавно все забыли. Ты нас прости...

Попавшему навстречу с доброй ношей грибов, ягод или идущему с мешком зерна говорилось:

— Носить не переносить!..

Даже петуху, подмявшему под себя курицу, походя замечали:

— На сто яиц!..

Умершему желали:

— Царство небесное, светлое место, поближе ко Христу...

Женщине, родившей ребенка:

— Дай бог не заскребыша (то есть не последнего).

Картежникам во время игры:

— Сто рублей на выигрыш!

<1971>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Потребилровка* — магазин потребительского общества, кооперативная лавка.

ПАШКИНА ЭКОНОМГЕОГРАФИЯ

Нашего соседа Пашку Менухова по-уличному называли Барометр.

Пашка Барометр да Пашка Барометр... А вот с чего далось ему это прозвище. Как-то в Попихе был маслодел Егор: проверял жирность молока, сдаваемого на маслодельный завод. Бабы тогда спросили Пашку:

— Скажи-ко, Павло, будет сегодня дождик или нет? Валять копны на просушку или повременить?

— Погодите, бабы. Будет дождь. Соберется. Что-то с утра у меня грыжа урчит, проклятая. Знать, перед ненастьем...

Бабы верили Пашке, потому что его «метеорологические» наблюдения часто подтверждались,

Егор-маслодел услышал этот разговор, сказал:

— Господи боже мой, какая серость! Обыкновенная грыжа барометр заменяет. Ну и Пашка, ходячий барометр, предсказатель погоды...

С тех пор и пошло по деревням новое слово — Барометр. Пашка Барометр.

И всякий, кто в медицине ни капли не разбирается, знал, что у Пашки предсказывающая погоду грыжа, размером с большое осиное гнездо, и такой же формы, приобретена им в молодые годы при царе-косаре на тяжелой бурлацкой работе у закупщика и сбытчика товаров Николахи Ларичева.

Об этом сам Пашка часто рассказывал, ибо больше ему рассказывать было не о чем.

Одевался Пашка нищенски, в обтрепки. Летом пылил по деревне в стоптанных, заплатата на заплате, валенках, а зимой по утоптаным до-

рожкам торопливо, вприпрыжку хаживал босичком. Жил он, обессилевший, ничего не делая. Сын Санко работал на лесопилке, дочь Анка нанималась в работницы. С их помощью Пашка и перебивался кое-как со своим «барометром».

А в молодости, в восьмидесятые годы прошлого столетия, Пашка бурлачил, видел свет не только из своего окошка. Ходил под парусом, правил гребью на купеческой барке, у руля ставивал, в лямку впрягался. Был он неграмотен, однако памятью обладал, знал кое-что понаслышке, кое-что запомнил зрительно. К усидчивым на своей земле соседям он относился свысока и так о них отзывался:

— Мишка Петух дальше своего носа не видит. Нигде не бывал. Живет всю жизнь, как рак в норе. Афонька Пронин только по ярмангам ездит, из пустого в порожнее перекладывает. И кроме лошадиного хвоста, тоже ничего перед собой не видал... Конечно, мне с Алехой Туркой не тягаться. Тому повезло в жизни: всю Россию и Сибирь видел и вокруг света объехал, когда из Владивостока на корабле в Одессу везли... Наши деревенские дурни и того не знают, что земля — шар, а не ровная, как сковородка...

Однажды старик Вася Сухарь, начиненный знаниями из древнейших книг, хотел подкусить Пашку Барометра ехидным вопросом:

— А как же люди под нами ходят вверх ногами и не падают?

— Очень просто! — отвечал Пашка. — Земля в огромности своей все живое и мертвое на себе придерживает...

Первые познания местной географии и экономики своего края мы получали из простецких Пашкиных рассказов.

Начиналось наше обучение с того, как закупщик Николаха Ларичев из приозерной деревни Лебзово с осени нанимал плотников и на берегу Пучкаса строил барку, способную поднять не менее трех тысяч пудов груза. К весне новенькая, просмоленная и крытая тесом барка была готова. После ледохода с Кубенского озера подпирала полая вода, стекавшая из лесных рек.

Ларичевская барка сама собой снималась с бревенчатых клеток и, покачиваясь, становилась на якорь.

Над крышей, на матерой и высокой мачте, к реям прикреплялся плотный парус.

Экипаж невелик: сам хозяин, два племянника — приказчики, сын — за кассира. На подмогу брал еще Ларичев проваренного в путинах, выносливого и безропотного Пашку Менухова. Для всех была одна общая каюта с отдельной каморкой для хозяина. В каморке, на дощатой койке под подушкой, сундучок-подголовник с деньгами и двумя постоянно заряженными пистолетами. На всякий случай, для острастки, висело еще ружье. Дело торговое, не бедное, а в дальней путине всякие люди водятся. Как бы на разбойников не наскочить...

Сколько навигаций хаживал Пашка в работах у Ларичева, сам того не помнит, но зато как «Отче наш» изучил весь путь и где чем промышлял ловкий в торговом деле его хозяин.

— Вот, ребята, слушайте и понимайте, — говорил нам поучающе Пашка Барометр, — если встать так: лицом к Спасу Каменному, а спиной к Миколе-Корню, то впереди будет юг, там Вологда, а позади — север, там Архангельск, справа на запад — Питер, а налево — Великий Устюг.

Подрастете, узнаете и скажете: «Пашка Менухов не врал, все так и есть...» Ладно-хорошо. Начинали мы на Кубине грузить ларичевскую барку сапогами, что нашили ему за зиму здешние чеботари. Иногда пар пятьсот, иногда и больше. Потом брали у роговщиков роговые изделия здесь же, в Устье Кубины. В других местах нигде роговщиков нет. Грузили аккуратненько коробы с гребнями, расческами, папиросницами, подсвечниками, вешалками. И чего тут только не было! А товар не тяжелый, на ярмангах ходовой. До выхода в озеро останавливались у Лысой горы в Чиркове. Там набирал хозяин глиняной посуды с чертову уйму: кринки, ладки, квашонки — все складно уложено, соломкой для мягкости обернуто. Этому товару место на палубе под брезентом. Проходили в безветерь озеро Кубенское, спускались на Сухону и плыли по течению до Устюга легонько и ходко. Мое дело — стой у руля и не наткнись на камни. В Опоках на быстрине Николаха Ларичев побаивался, сам рядом со мной стоял, крестился, только и слышно: «Господи, пронеси!»

Устюг — город, ребята, — плюнуть некуда, все церкви да соборы... Дня три тут постоим у берега. Николаха с приказчиками по городу рыщут, товаров ищут. Я барку стерегу — ружье за спиной, а сын хозяйский с пистолетом за пазухой около каморки, где касса. И тут на барку тащат, что закуплено. А закуплено то, чего в Устюге и около мастеров ремесленники: щетки всякие, шкатулки такие, что глаза разбегаются и диву даешься, то с морозом по жести, то с узорами по бересте. Кольца, браслетки, серьги, брошки, вилки, ложки серебряные, изукрашенные позолотой

и всякими разноцветьями. Это дорогой товар, и места ему не много надо. Рожь, горох, ячмень — все это дешево в Устюге, но это неподручный товар. Ларичев хлеба не скупал. А какие девки в Устюге — нарядные, дородные славнухи! Телеса плотные, не ущипнешь. И на песни горазды. Ну, вам, ребята, рано еще понимать вкус в этом деле. Подрастете — меня вспомните. За Устюгом поворот по Двине на север, к Архангельску. Есть город Красноборск. Пристаем. Ларичева там знают. Казалось бы, на что ему кушаки? А кушаки красноборские, широкие, с каймой, — залюбуешься. Покупает он их штук несколько сотен, и тоже в барку. В Архангельске на ярманге все сгодится...

Выбирает Николаха из партии самолучший кушак, красный, с радугами и кистями, длинный, вокруг туловища шесть раз обернуть можно. И говорит: «Полезай, Пашка, на мачту и прибай его повыше паруса как мой купеческий стяг!» Плыдем в поветерь да по теченью, чем дальше — тем река шире. В непогодь, бывало, и у берега простишь, за мысочком. А ночи молочка белей. Светлей наших вологодских. Постоим, и опять дальше. Парус надут. Кушак на мачте трепещется, извивается. И все перед глазами в пути разное: леса — ни конца ни краю, берега — как стены крепостные: то красные, отвесные, то белые, и не пристанешь к таким, и не вскарабкаешься. А такого города, как Архангельск, поискать — не найдешь. За двадцать верст от него ворванью воняет и треской пахнет. Этого добра там полные берега завалены бочками. Останавливаемся в отведенном месте. Хозяин мне сразу половину заработка, чистыми пятнадцать руб-

лей, не считая вычету за горох, пшениную кашу, постное масло и говядину. А с барки не спускает. Карауль! Карауль, пока он не распродаст всего груза. А продавал оптовикам. Раз-раз, по рукам — и пошли сапоги, покатались горшки, потащились красноборские кушаки. И только слышно, как шелестят кредитки, звенит золотишко да поскрипывает ключ в подголовной шкатулке хозяина. На обратный путь Ларичев каждый раз загружал барку бочками селедок и ворвани. И опять ему выгода.

Со мной ему везло. Я трудился как черт. Около Ньюсеницы высокие берега. Шли обратно против течения — я и еще пятеро наемных. Шли берегом, лямкой тянули барку. Тяжело пришлось. У меня внутри жила лопнула, и оттого грыжа стала. Вот вам и «барометр».

На другую весну отправился Ларичев с товаром тем же путем без меня. Нанял лахмокурца в рулевые. Тот сплоховал и шарахнул барку об камни в Опоках. Все разлетелось — куда куски, куда милостыньки. Так незаштрахованное добро и погибло. Еле сами спаслись...»

Спустя долгие годы я вспоминаю эти Пашкины бывальщины. Вспоминаю потомков Ларичева. Они после катастрофы не смогли подняться до купеческой линии. Сам старик не выдержал, скоропостижно умер, а его сыновья и внуки пошли в конторщики. Один из Ларичевых жив-здоров и, говорят, стал художником, пишет пейзажи и колхозных передовиков, участвует на выставках, приобретает известность.

А Пашка Менухов дожил до революции и скончался в доме для престарелых, не расставаясь с кличкой Барометр.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Гребь* — рулевое весло. *Путина* — путешествие. ...брали у роговщиков роговые изделия здесь же, в Устье Кубины.— Имеются в виду бытовые предметы и украшения из коровьего рога, продукты известного промысла «устьянский рог». *Кринка* — высокий расширяющийся книзу глиняный горшок для молока. *Ладка* (латка) — глиняная сковорода. *Квашонка* — круглая посуда с расширяющимся верхом для заквашивания теста. *Опоки* (Опока) — крутая излучина в нижнем течении Сухоны, опасная для судоходства. ...с морозом по жести — с перламутровым узором, полученным в результате обработки жестяной пластины кислотой. *Поветерь* — попутный ветер. *Ворвань* — тюлений или китовый жир. *Кредитка* — кредитный билет, бумажный денежный знак. *Один из Ларичевых...* стал художником — речь идет о Михаиле Алексеевиче Ларичеве (1921–1995), уроженце деревни Лебзево Устьянского района Вологодской области.

МИТЬКИНЫ БУХТИНЫ

Столь корявых, столь шадровитых людей, изрытых оспой, как Митька Трунов, и за всю свою жизнь нигде не видал. У него на лице в ямках-оспинах горошины помещались и не выкатывались. Так и люди говорили:

— На Митькином лице черти горох молотили.

Он не обижался. Человек он был неунывающий. Голосисто песни пел, сказок знал бесчисленное количество. В людях бывал, всего наслушался, запомнил и умел рассказывать. В цифрах разбирался, но читать так и не выучился. Возможно, потому, что у отца его было четыре сына: Федька, Митька, Афришка и Мишка. Старик-отец счел необходимым выучить грамоте только одного из них — Мишку. Отдал его в школу на

целую зиму и тем ограничился. Впрочем, и читать было нечего. Во всей деревушке Боровиково не было ни одной книжки, если не считать поминальников, и никогда в дореволюционные времена не выписывалась здесь газета.

Жили запросто: день да ночь — сутки прочь.

В свободные зимние вечера потешались рассказыванием сказок да бухтинок-вранинок, кто во что горазд.

Митька Трунов часто заглядывал к нам в Попиху на вечерние сборища, на огонек, на сигарочку или на чашку чаю. Завидев его, люди добродушно говорили:

— Митька-враль идет с бухтинками...

Трунов заходил в избу, весело здоровался с домочадцами, обязательно с прибаутками:

— Ночевали, лежа спали, здравствуйте! Мое почтение, будет ли угощение? Кушаем проворно, благодарим покорно. Была бы еда, а остальное не беда, в брюхе всегда место найдется...

Соседи, узнав о появлении Митьки, собирались в ту избу, где он уже начинал «точить лясы».

Позднее, спустя десятилетия, мне довелось читать сказки Белозерского края, записанные братьями Соколовыми и изданные Академией наук. И кажется, там нет таких сказок, которые не были бы известны нашим мужикам и особенно Митьке.

Была у Трунова своя манера сказки рассказывать. Расскажет сказку с похождениями, видит, что сказки слушателям, раскрывшим рты, вроде бы и не хватило. Тогда он отсебятину-бухтинку подпустит как бесплатное приложение.

Я запомнил такие Митькины добавления к сказкам:

— А вы слышали, люди добрые, какое происшествие? Говорят, и в газетинах про то печаталось... Ездил я однажды в Вологду. Мимо Турундаева. Там был погреб с прошлогодней редькой. И такой дух от прелой редьки пошел — близко подойти нельзя. Дыху нет. Долго там приюхивались, терпели. Хоть бы что. Народ ко всему привыкает. Терпение не лопнуло, а погреб с редькой разорвало в пух и прах! Во всем Турундаеве рамы вылетели. Во как дунуло! Рядом пекарня стояла. И пекарню на воздух подняло. Все калачи и булки разнесло в переулки. А хлебные караван до самого Грязовца катились. Во какова редька! Я это к тому вспомнил про такой несчастный случай, чтобы вы, господа почтенные, не особенно редькой обжирались. Опасно... Сами знаете: душище от нее такой, хоть топор вешай. Скотина и та редьку не кушает... — и, обращаясь к слушавшим его мужикам, поводя носом, вопрошал: — Ваня Пименков да Мишка Петух, поди-ко, от вас этот редешный дух? Закройте поддувало!

В другой раз Трунов прицепил к сказке такую бухтинку:

— Господи, боже мой! Неслыханное дело в Коровинской потребилке. Пришли ночью к магазину три медведя. Сорвали с петель двери и марш в магазин полакомиться. Выпили на троих полбочки карасину, закусили баранками, одурманились и перед рассветом хотели скрыться в поскотине. А наш приказчик, не будь дурак, схватил ружье да в погоню. Догнал ведь. Да ружье-то забыл второпях зарядить. И пороху не прихватил. Медвежий пестун обернулся да на приказчика; ружьишко отобрал да с одного боку

шесть ребер выхватил с мясом. И пошли медведи чуть ли не с песнями на Кокошенницу. Там с одной бабой заигрывать стали в огороде. Напередник ситцевый в лоскутье порвали, сарафан да исподнюю до голого тела, от спины до пят, располосовали. Хорошо, баба не испугалась, благим матом заорала на медведей: «Ах вы, такие-сякие, косолапые! Не на ту наскочили. Не имеете права! Моя фамилия Медведева, и все запросто медведихой зовут. Платите штраф за оскорбление!»

Медведи устыдились, слов не говорят, а вроде бы знаки делают лапами: «Извините, мол, гражданка, Медведева. Мы обмишурились...» И пошли своим не путем, не дорогой, да и наткнулись на глухонемого зимогора немтыря Калимаху. А тот, знаете, говорить не может, а рык получается пострашней звериного. Зарычал Калимаха на чистом медвежьем языке: «Лапы вверх! Сдавайтесь!» И всем троем передние лапы связал веревкой от лаптей и свел в волостное правление под суд. Согласно закону медведям присудили: по одному году каторжных работ лес корчевать да в вагоны сгружать... Завтра пойду навещу приказчика в больнице. Еды сне-су. Главной фершал станет ему бараньи ребра вставлять. Вот до чего медицина дошла! А вы говорите...

Все у нас в окрестных деревнях знали, что в германскую войну Трунов отличился и получил медаль «За храбрость». Медаль он не напяливал. Но если спрашивали его, за что такая награда, он каждый раз отвечал по-разному:

— За то, что я первый увидел Богородицу в облаках над августовскими болотами...

Или:

— За попытку взять в плен живого Вильгельма.

В числе Митькиных ответов существовала еще бухтинка с некоторыми подробностями:

— А разве не слыхали от людей, если не читаете газет, за что меня сам государь медалью ублажил? Геройский мой подвиг был не маленький. Повадился над нашими окопами цеппелин летать. Настоящий воздушный корабль. Летает да бомбы на нас кидает. Пуля его не берет, а пушки вверх не научились стрелять. Вот я и придумал. Около нас поблизости был заброшенный винный заводик. Труба стояла кирпичная, целая. Договорился с саперами и каптерами зарядить трубу и подкараулить цеппелин. Ладно, хорошо. Впихали в трубу пять мешков пороху, запыжили старыми полушубками, вместо шрапнели навалили три воза камней. Сидим около и ждем, когда появится. Как только цеппелин полетел над трубой, мы и бабахнули... Аж земля затряслась. А от цеппелина дым пошел и пепел посыпался. Приезжает из Могилева сам царь. Меня подзывает из строя:

— Ты, солдатик, придумал из заводской трубы стрелять по воздушной цели?

— Так точно, ваше величество.

— Вот тебе медаль за это!

— Рад стараться, ваше величество...

Вызывает каптера, который на пыж в трубу шесть полушубков дал, да десять украд и на самогонку променял.

— Ты давал полушубки рядовому Трунову на пыж?

— Так точно, ваше величество!

— Дурак! Надо было прессованным сеном запыжить.

— Слушаюсь, ваше величество. Впредь сеном запыжим.

— Но впредь,— вздыхая, с сожалением добавляет Трунов,— не пришлось нам из этой трубы стрелять. Во-первых, другого цеппелина у немцев не нашлось, а во-вторых, вдоль трубы с первого же выстрела от земли до вершины щель прошла... Зато во всех европах известно стало: у русских появилась самая страшная пушка, подобная небесному грому... Не то что цеппелины и еропланы, вороны и те летать перестали... А вы спрашиваете, за что получил медаль. Вот, за это самое...

Долгонько жил Дмитрий Трунов. В тридцатые-сороковые годы я проходил по родным местам. Заглянул в Боровиково. Многие, которые помоложе, ушли из деревень на новостройки.

За чаем в избе у кузнеца Сашки Кукушкина вспомнили о сочинителе бухтинок.

— Ему скоро восемьдесят,— сказал мне кузнец,— никуда не девался. Живет себе Трунов, по-прежнему подтрунивает. И работает еще. В это лето в колхозе трудодней около сотни зашиб себе на прокорм. Да и на своем участке не худо ковыряется. Хотите, позову?

— Как не хотеть, зови.

Пришел Трунов. Мутные, старческие глаза, поседевшие редкие волосы. Голос тот же, говорок складный. Меня он не узнал. А когда ему сказали обо мне, пригляделся, протянул руку:

— Здравствуй, гостенек. Вот удивил! Явленные мощи из осинової роци. Ждали зимой на кораблях, а он летом на лыжах. Бухнулся неожиданно, словно лапоть с крыши. Смотри, какой

стал. Говорят, газеты составляешь? Сочини про меня что-нибудь веселое:

Митька Трунов долго жил
И всю жизнь людей смешил.

Нет, дорогой гостенек. Все веселое миновало. Теперь у меня думы не только о работе, но и о той конечной станции, которую никто не обойдет и не объедет... Рассказывай, как живешь, где бывал, что видал. Воевал, да цел остался, и то добро. А наших соседей многонько не вернулось. Надолго ли в родные края? Погости. Ко мне забегай. Поллитровка всегда найдется. За медом к Доброрадову сбегаяю. Наловчился тот по две тонны в лето меду собирать. Век мы тут жили, и отродясь никто такого счастья медового до нынешних годов у себя под носом не видел... Приходи. Угощу и горьким, и сладким. Порассказываю тебе и про худое, и про хорошее. А что к чему — сам разбирайся.

<1971>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Шадровитый* — рябой. *Поминальник* — синодик, поминальная книжка, содержащая, помимо подлежащих поминовению имен, рассказы, поучения и другие тексты церковной тематики. *Поскотина* — пастбище, выгон для скота. *Пестун* — здесь, вероятно: вожак. ...*в германскую войну* — во время войны между Россией и Германией 1914–1918 гг. *Вильгельм* — германский император Вильгельм II. *Цеппелин* — дирижабль, управляемый аэростат с двигателем. *Каптер* — каптенармус, нижний чин, ведающий хранением и выдачей снаряжения, имущества, продовольствия. *Шрапнель* — здесь: начинка заряда (в точном смысле «шрапнель» — артиллерийский снаряд,

начиненный пулями). *Трудодень* — учетное время труда колхозника, за которое ему начисляется оплата продуктами или деньгами.

ПАНИНА ОСИНА

Наша Попиха в окружении других деревень стоит на взгорье. И на самой ее возвышенности выросла стройная высоченная осина. Она, в отличие от себе подобных, десятки лет поднималась и поднималась круглой, как шар, верхушкой. И настолько поднялась, что стала служить ориентиром для тех, кто нечаянно мог заблудиться в лесу. С приозерных пожен можно было, судя по этой осине, определить, в какой деревне, не дай бог, случился пожар. Повсюду эта осина называлась Паниной, так как находилась в огороде братьев Паничевых — Алехи Турки и Николая Берда.

Осина служила указателем для многих деревенских жителей. Стоило только в лесу забраться на самое высокое дерево и с его вершины увидеть вдали макушку Паниной осины, как сразу, вернее, чем по компасу, можно было найти выход из лесной трущобы.

Лес от устья Кубены-реки протянулся длинной полосой на северо-запад, как мы знали, верст на сто, а там дальше, если вправо взять, то, говорят, иди хоть до самого Белого моря — все лес...

За грибами мы ходили в малые перелески и роци вблизи деревень, а под осень за клюквой в дальнее болото. Ходили обычно артелями, исключительно бабы и ребятишки. И чтобы не заблудиться, не потерять друг друга и не нарваться

на медведя, бродили по болоту дружной толпой, не забегая вперед ведущей бабы и не особенно от нее отставая.

Нас было тогда шестеро: Маша Тропина, Лариса Митина, Дуня Панина, Анюта Свистулька да я с Колькой Травничком. Собирали мы клюкву не торопясь, выбирали ягоды покрупней да покрасней, клюкву в корзины и в мешки заплечные, а перезрелую морошку — в рот.

Ягод насобирали — еле носим. Пора направляться на выход из леса. Кстати, и солнце клонится к закату.

За главную вожатую была у нас Колькина мать — Лариса.

— Пора к домам, — сказала она, — ноши тяжелые, надсадимся тащить. Колька, полезай на сосну, да портки не порви, и погляди хорошенько, в коей стороне Панина осина. А ты, Костюха, заберись на эту ель и тоже погляди.

Нам это ничего не стоит. Раз-раз — и мы оба на вершинах. Посмотрели во все стороны — нет нигде Паниной осины. Не видно ее шарообразной точки на горизонте за вершинами леса. Так мы и сказали с Колькой.

— Хорошенько смотрите во все стороны, — настаивали бабы. — Ну, Лариса, полезай сама, больше толку будет. А то леший окружит нас, запутаемся.

Лариса забралась на Колькину сосну. Смотрит, как и мы, туда-сюда, нет Паниной осины. С одной стороны вдалеке Кубенское озеро сливается с небом, а с трех остальных сторон ничего, кроме сплошного леса, не видно.

— Бабы, и в самом деле куда-то нас черт занес, пропала из виду Панина осина. Давайте дойдем

сначала влево, потом прямо, посмотрим еще с разных концов.

Ходили мы по лесу и по болотам до самого позднего вечера, лазали еще и еще на высокие деревья, высматривали уж если не Панину осину, так хотя бы что-нибудь другое, напоминающее близость селений.

И видели только лес да лес. Споры и разговоры ни к чему не привели, а только еще больше запутали.

В лесу потемки наступили скоро. Нас накрыла непроницаемая, жуткая темь. Пришлось заночевать под разлапистыми деревьями; на случай дождя наломали веток, сделали подобие укрытия, надергали сухого моха — чем не постель. Перед сном покричали, поаукали и, кроме своих голосов, ничего не услышали. Значит, забрели слишком далеко и куда-то совсем не туда, если такая примета — Панина осина — исчезла из нашего поля зрения.

Усталые от шатания по лесу, мы спали крепко и надежно, тем более что все помолились и были уверены в том, что Бог все-таки сильнее черта и лешего, наутро выведет нас куда следует. Недаром же говорят: утро вечера мудренее...

Проснулись с восходом солнца. Протерли глаза, снова полазали по деревьям и, не обнаружив заветной спасительной осины, обругали ее, назвав предательским Иудиным деревом, пошли напрямик наугад — куда-нибудь да выйдем.

Не раз переходили какие-то незнакомые нам лесные ручейки. Добрались до заросшей тропинки. Бабы стали гадать, куда ведет тропинка.

— В Заболотье, в Никольское, к Межакову в усадьбу... — сказала Аня Свистулька.

— Нет, это скорей всего тропинка к Богородице на Корень,— высказала свое мнение Дуня Панина и первая из баб высыпала половину клюквы на дорожку, дабы облегчить себе ношу. Ее примеру последовали и другие бабы.

Мы с Колькой тоже ополовинили свои корзины.

— Я, бабоньки, просто не знаю, куда нас нечистая сила занесла,— призналась наша ведущая Лариса Митина,— просто ума не приложу. Давайте уж пойдем по тропочке, авось до жилья доберемся.

И на наше счастье ударил и прогудел колокол.

— Слава те, господи! Наконец-то!

Бабы перекрестились и двинулись на колокольный звон.

Через час, не более, мы вышли на опушку леса.

Перед нами прямо оказалась река — Малый Пучкас. Знали мы эту реку все. И на рыбалке бывали, и скот через нее вплавь перегоняли, а тут, выйдя из леса, так себе замутили головы, что никто из баб не признал ее, не говоря уже о нас с Колькой. А слева, за перелеском и песчаным мысом, показалось нам невиданной красоты село: в чудном видении несколько церквей и домов.

Мы долго стояли в недоумении: куда же пришли, как теперь до дому доберемся? Где мы оказались?

После долгого блуждания нас, что называется, «окружило». Выйдя из леса с неожиданной противоположной стороны, мы растерянно глядели, не узнавая сместившееся в наших глазах село, находящееся от нашей деревни всего в четырех верстах.

— Ясно, леший нас попутал.

Другого мнения у баб не было. Пришли в деревню с облегченными ношами клюквы. Мужики посмеялись. Особенно братья Паничевы.

Пока мы ходили за клюквой, они спилили и поделили пополам знаменитую Панину осину.

По жребию Турке досталась вершина, Берду — комель.

Они наделали из осины досок-кроельниц для кройки кожи и продавали сапожникам по грибеннику за штуку.

<1971>

ПРИМЕЧАНИЕ. ...не обнаружив заветной спасительной осины, обругали ее, назвав предательским Иудиным деревом — по легенде, Иуда, предавший Христа, повесился на осине.

КВАШЕННИК И ЗАСКРЕБЫШИ

У моей опекунши тетки Клавди в домашнем кухонном обиходе был всего-навсего единственный нож. Назывался он квашенник. Я никогда не могу забыть этого ножа, потому что похожих на него всю жизнь не видел. Если бы в ту пору я кое-что понимал в археологии, то мог бы подумать, что Клавдин квашенник добыт не иначе как в пещере первобытного нашего угро-финского предка или остался в наследство от чуди белоглазой, некогда заселявшей вологодские просторы.

Нож был, разумеется, не фабричной работы, а самокованный из грубой стальной вытяжки, с

толстым обушком, широким лезвием и изогнутым носком. Рукоятка лощеная, желтая костяная, сделана из мостолыги без претензий на художество, лишь бы было крепко, долговечно.

Я не думаю, чтобы мои предки, мирные православные люди, с этим ножом выходили на большую дорогу. Однако в лесу, на умелые руки, с таким квашенником от медведя отбойриться было можно. Клавде нож служил неизменно во всех ее потребных делах, и прежде всего она им чистила квашню, заскребала остатки теста, из остатков пекла мне заскребыши на горячих угольках. Еще ей годился этот незаменимый нож рубить кости, щепать лучину, раз в году соскабливать грязь с лавок перед Пасхой, с этим же квашенником она хаживала в пустоши драть ивовое корье для кожевников. Одним словом, квашенник годился везде. Только в пивные праздники, когда гости перепивались и начинали шуметь, квашенник в тот час немедленно исчезал, дабы не оказался в чьих-либо драчливых руках.

У опекуна Михайлы на сапожном верстаке было с полдюжины остро отточенных ножигов — малых и удобных для сапожного дела. Но этим квашенником он гордился как семейной реликвией и говаривал:

— Я за этого квашенника барана не возьму. Без него, как без рук. А память-то какая! Не шутите, от деда Кондрата слыхивал, будто этот нож от той поры, когда к нам поляки да литовцы грабить приходили, а от нас лесами на Кострому шли будущего царя Михаила убивать. Во от какой поры! И тем хорош, что постоянно в деле, а потому не ржавеет и не тупится.

Осенью понадобится скотину забить — квашенник тут как тут: и горло перехватить, и кожу опустить; разденет животинушку гладехонько...

О квашеннике сказано все. Теперь о Клавдиных заскребышах. Выпекать ржаные караваи на большую семью для Клавди было самым любимым делом, равным священнодействию.

С вечера она «заводила» квашню, большую, четырехведерную, изготовленную бондарным способом, с черемуховыми обручами в десять рядов.

Замесив тесто, Клавдя повязывала поверх квашни в два ряда скатерть. Легонько, без натуги ставила квашню на печь, каждый раз приговаривая:

— Ой, затворила на дрожжах, а не удержишь на вожжах...

Ночью спала Клавдя бдительно. Она слышала сквозь сон, как квашня бурчала, и тогда Клавдя вскакивала с постели, торопливо передвигала квашню на более прохладное место.

Вставала она раньше всех. Глинобитная печь-богатырица дышала ярким пламенем, освещая через окно серебристый сугроб снега, поднявшийся вровень о крышей.

Печь топилась, Клавдя раскатывала хлеба каравай за караваем. Получалось это у нее легко и красиво. В деревянную, выдолбленную из осинового комля чашу она накладывала лопаточкой тесто, подсыпала муки, затем сначала слегка, а потом быстрее и выше начинала подкидывать тесто из чаши, каждый раз ловко подхватывая на лету, — и так метала иногда выше головы до тех пор, пока не получался откатанный, готовый на лопату и в печь каравай.

Но в печь еще рано. Сначала все содержимое квашни Клавдя выкатает, разложит на посыпанную мукой скатерть, на каждом каравае сделает ребром ладони крест, чтобы никакая нечистая сила не посягнула на хлеб благодатный.

Между тем печь дотапливалась. Выгребены в загнету горячие угли, мокрым помелом выметен наглядко печной под, и тогда ловко с широкой деревянной лопаты летят из Клавдиных рук в печь караваи.

Не по часам, а по хлебному запаху знает Клавдя, когда поспевают выпечка. В эту свободную минутку она по обыкновению берет квашенник и начинает выскребать из квашни остатки теста, прильнувшего к стенкам и уторам вокруг днища. Из заскребышей делает нарочито для меня — школьника — пирог-подорожник. Выкатывает его на сковороде толщиной в два пальца, изрядно солит, надрезает квадратные кусочки, в надрезы наливает льняное масло и ставит пирог-заскребыш на горячие угли.

От заскребыша по всей избе благоухающий запах. Все домочадцы на ногах, и каждый при деле.

Я торопливо зубрю из закона Божия историю, почему Авраам не зарезал сына своего Исаака.

Тетка Клавдя угощает меня заскребышем, больше половины заворачивает в тряпочку и сует в холщовую сумку...

Хороши, вкусны были те заскребыши! И через шестьдесят лет ощущаю их приятный неповторимый вкус! Приходилось делиться со школьными товарищами. И все находили, что вкусней Клавдиных заскребышей ни у кого из них выпечки нет и не бывало...

ПРИМЕЧАНИЯ. *...драть ивовое корье для кожевников* — ивовая кора использовалась как дубильное средство в кожевенном ремесле. *...когда к нам поляки да литовцы грабить приходили, а от нас лесами на Кострому шли будущего царя Михаила убивать.*— Речь идет о событиях 1612–1613 гг., одном из эпизодов Смуты. *...изготовленную бондарным способом* — т. е. из деревянных дощечек (клепок), плотно пригнанных друг к другу и стянутых обручами. *Загнета* — место на шестке печи, куда сгребаются горячие угли. *Утор* — вырез на клепке для вставки дна.